

Мамины записки

Марат Валеев

Необходимое предисловие

Это я надоумил написать нижеприведенные заметки свою маму, Валееву (в девичестве Гатину) Раису Каримовну. С детства помню, как она, не сдерживая слез, частенько рассказывала нам, своим детям, о том, сколько ей пришлось вынести во время коллективизации, войны, в послевоенное время. Как-то я приехал к маме на юбилей в Хабаровский край, где она в то время жила в семье моей сестры Розы. Маме исполнилось 80, но она по-прежнему была бодра, жизнерадостна. Однако как только дело коснулось воспоминаний – все, опять слезы, пожелания «никому не пережить такого». Вот тогда я и сказал: «Мама, а ты запиши свои воспоминания и пришли их мне. А я подумаю, что с ними можно сделать. И мама согласилась.

За два неполных года она исписала и прислала мне 29 общих школьных тетрадей. Я представляю, как непросто далась ей эта работа. Во-первых, образование у моей мамы – четыре класса татарской школы (больше закончить не успела – в 1938 году вся мамина семья бежала из своей деревни от страшного голода в Баку, а там уже было не до учебы, надо было работать, и русскую грамоту она освоила самостоятельно). А во-вторых – все же возраст... Вот тут ей было плохо, видно по тому, как почерк изменился. Вот здесь она всплакнула, и строчки расплылись под ее слезами. Но она сделала это – написала свои воспоминания, и заново пережила всю свою жизнь в этих 29 тетрадках. А я потом переработал их, и получилась самиздатовская книжка с немудреным, но емким названием «...Не поле перейти» объемом в 62 странички и с 40 главами, в которые уместилась ее вся такая бесхитростная и в то же время очень непростая жизнь, и эту книжку я и подарил ей на очередной день ее рождения.

Она не героиня, моя мама. Она простая российско-татарская, женщина, на долю которой, как и на долю миллионов ее сверстниц, выпало много тягот и лишений. А в «награду» ей долго не хотели засчитывать в пенсионный стаж ее колхозный период, тяжелый труд на мобилизационных работах. Но справедливость все же восторжествовала, и моя мама официально была признана ветераном Великой Отечественной войны, награждена рядом юбилейных медалей. Она немного не дожила до 65-летия Великой Победы и до своего 85-летия, скончавшись 20 апреля 2010 года.

Публикуется та часть ее воспоминаний, которая относится к периоду Великой Отечественной войны.

Марат Валеев,

член Союза российских писателей.

г. Красноярск.

Первая мобилизация

23 июня 1941 года из райцентра Мамыково к нам в Старую Амзю приехал офицер из военкомата, они вместе с председателем провели общее собрание колхозников, на котором и рассказали, что началась война. Тот, что с военкомата, сказал, что он привез с собой повестки, мужчины с 18 до 45 лет будут мобилизованы в армию.

А кроме того, зачитал приказ, что из нашей деревни мобилизуют на оборонные работы 21 парней и девчат с 16 лет – строить вторую железнодорожную линию от Ульяновска в двух

направлениях - до Москвы и на Урал. Это нужно, чтобы везти на фронт технику и войска, а с фронта раненых, чтобы железная дорога работала безостановочно, чтобы поезда не ждали, когда проедут встречные составы.

Мобилизовали также взрослых в возрасте от 45 до 50 лет. Стали зачитывать списки мобилизованных: Амирханова Майра, Баталова Асылъбикя, Гатина Райса... Когда зачитали мое имя, мама и папа сразу крикнули: «Как Райса, она же совсем девчонка, ей же еще нет 16». «Через месяц исполнится, - сказал военный начальник. – Так что тоже попадает на оборонные работы. А кто будет отклоняться или захочет скрыться, будет считаться дезертиром, и того посадят на 5-7 лет».

На колхозной площади, где проходило собрание, поднялся крик, плач. Да, по годам я была еще совсем девчонкой, но прекрасно понимала, что с наступлением войны детство мое закончилось, как и у всех моих подруг.

После собрания все разошлись по домам, многие чтобы готовиться в дальнюю дорогу. Папа сказал, что надо бы быстро разобрать старый дом на дрова, пока он дома, а то, не дай Бог, его тоже мобилизуют. А этих дров года на три может хватить.

Мама испугалась: «Неужели война так долго будет идти?», и заплакала. Папа, как мог, успокаивал ее. А 27 июня 1941 года бригадир принес мне повестку и сказал, что завтра до обеда надо быть уже в Мамыково, на военной комиссии.

В этот же день повестки получили и мои сродные сестры Гаршия, Гульжамал, Минжамал... Мама собрала меня в дорогу, я только чай попила, как у нашего дома остановилась машина с крытым кузовом.

Я простилась с родными (папы дома не было, он в тот день был на работе - на мельнице), взяла сумку с продуктами, которые мне в дорогу сготовила мама, села в кузов, и машина поехала к конторе. А там уже полно народу, и папа на велосипеде подъехал с мельницы, чтобы успеть проводить меня. Все, кто должен был ехать на комиссию, 21 человек, поднялись в кузов, и машина тронулась...

Комиссию проходили в районной больнице, всех признали годными. Сопровождающий нас офицер сказал, что сегодня же нас отвезут домой, дадут два дня на сборы и проводы, и снова в путь, теперь уже в Нурлат, на поезд, который повезет нас в Ульяновск.

Строим железную дорогу

И вот нас на поезде привезли в Ульяновск, здесь пересадили на большие военные машины (было много других девчат и парней из других районов), по 50 человек в каждую, и привезли куда-то в безлюдное место.

Высадили прямо на краю ржаного поля, а вокруг стояло много больших палаток, в каждой по 35 деревянных коек с соломенными матрасами и ватными подушками, с синими одеялами. Мы заняли каждый свою койку, нас познакомили с нашими начальниками. Начальником той группы, в которой была я (в основном все девчонки-татарки из двух деревень), был мужчина лет сорока, он зачитал наши фамилии по списку – так познакомился со всеми. Себя он назвал Иваном Григорьевичем. Поскольку в нашей группе по-русски хорошо говорила только я, то была у него как переводчик. Он отдавал все распоряжения через меня.

В первый же день после обеда нас повезли от нашего лагеря за 10 километров. Здесь нам дали лопаты и показали, как готовить насыпь под железнодорожное полотно – становились с обеих сторон отведенной линии, рыли кювет и землю бросали в середину, а потом разравнивали ручным катком. Затем на эту насыпь еще сыпали щебень и утрамбовывали катками.

А затем укладывали шпалы - по двое становились на каждый конец тяжелого и вонючего, чем-то пропитанного бруса, от запаха которого кружилась голова, и несли на веревках на путь и укладывали на строго отмеренном расстоянии. Иван Григорьевич назначил меня звеньевой (я ведь и в колхозе была звеньевой). Я записывала в тетрадь, сколько за день делалось нами работы. Вечером, перед отъездом на ужин, Иван Григорьевич переписал себе для наряда, сколько мы проложили пути. Получилось, что за один рабочий день наше звено из 37 человек (28 девчат и 9 парнишек) подготовило под прокладку шпал 21 метр полотна. А таких звеньев было много, всего в них было около 800 человек, это и с нашей, и с московской стороны. От Ульяновска дорогу при этом строили татары, от Москвы – русские.

Иван Григорьевич похвалил нас за хорошую работу. Но за этот день мы очень устали, просто валились с ног. Нас привезли к нашим палаткам, мы поужинали в столовой и отправились спать. Некоторые девчонки стали жаловаться, что это настоящая каторга, лучше убежать. Я напомнила, что за это могут и посадить. И все же через три дня, утром 30 июля, мы недосчитались пятерых девчонок из нашей и соседней деревень. Одной было 19, другой 17 лет, еще трое по 16.

Иван Григорьевич за завтраком заметил, что мы сидим за столами не полным составом, стал интересоваться, кого не хватает, почему. Девчонок тут же объявили в розыск. Прошло два месяца, за это время в сторону Москвы было построено 200 километров железной дороги, и к тому же времени мы узнали, что сбежавших девчонок поймали где-то за Ульяновском, судили и дали по одному году. Но в тюрьме они только ночевали, а весь день работали под конвоем, причем на самых тяжелых работах.

Иван Григорьевич узнавал про них и рассказывал, что они все время плачут и просят обратно к нам. Я сама расплакалась, когда узнала, в какое положение попали наши девчонки. Иван Григорьевич сказал, что можно попробовать им помочь, если написать заявление с просьбой отпустить их в нашу бригаду на поруки. И у нас получилось, девчонок под конвоем привезли из Ульяновска к нам. Мы их обнимали, целовали, плакали от счастья. А потом снова включились в работу, и очень старались, чтобы все это скорее кончилось.

24 августа 1941 года я запомнила на всю жизнь – в этот день оба конца железной дороги соединились, а нашему звену дали красный флажок как передовому. Мы не только первыми закончили свой участок, но еще помогли уложить шпалы на участке в полтора километра тем, кто тянул линию со стороны Москвы.

А всего наше звено сделало больше плана 13,5 километра железнодорожного полотна. Вечером было торжественное собрание, лучших наградили премиями и подарками и вручили дорожные билеты. Вызывали звеньевых по алфавиту: сначала назвали Асылханову, потом Булатову, Валиулину, а потом назвали мое имя: «Гатина Райса Каримовна». Я получила деньги в конверте – там было 100 рублей, платок и шоколадку.

Домой, но ненадолго

В 12 часов ночи за нами пришли машины, мы собрали свои пожитки (а палатки оставались на месте – говорили, что после нас здесь будет военный лагерь, будут обучать молодых солдат перед отправкой на фронт) и поехали в Ульяновск. Ехали почти 200 километров, потом пересели на поезд, и он повез нас в Нурлат. В Нурлате нас уже встречали родственники и родители. За мной приехал папа. Мы пересели в машины и поехали в родную деревню.

Когда стали подъезжать к Старой Амзе, все от радости закричали и запели, так соскучились по дому. Мама уже истопила баньку, я помылась, уселась за стол, родители стали расспрашивать, как там было да что. Ну, я все рассказала, они только удивлялись, как это

мы, совсем еще дети, выполняли такую тяжелую работу, да еще с перевыполнением. А я сказала, что это колхозная жизнь нас приучила не бояться никакой тяжелой работы. Тем более грех было не стараться – наша работа нужна была для поддержки фронта.

Отдохнула всего два дня, тут бригадир приходит, говорит: «Надо картошку полоть. Пока вас, молодых, не было, полоть было некому, вся заросла, потом выкапывать ее невозможно будет». Я собрала своих девчат, и мы пошли в поле. А трава уже вся старая, стебли как деревянные, и тяпки тупились очень быстро, приходилось точить их очень часто. Этим занимался мой младший братишка Акрам, за это ему каждый день писали по два трудодня.

Только пропололи картошку, нас тут же направили на уборку сахарной свеклы. Две недели дергали свеклу, там подошла пора убирать картошку, а после первого морозца – капусту; после капусты на складах перелопачивали зерно, чтобы не сгорело, за телятами ухаживали... Мужчин в деревне почти не осталось, и приходилось работать за двоих-троих. Про все новости на войне узнавали по радио (эти тарелки поставили бесплатно в каждом доме, как только война началась) и на собраниях.

Однажды приехал из конторы дядя Паша, который тоже с нами работал на ферме, и сказал, что, наверное, девушкам надо опять готовиться в дорогу. Оказывается, из Казани пришел приказ: мобилизовать на копку окопов и траншей женщин от 16 и до 40 лет, по 35 человек от каждой деревни. Вот как только Волга замерзнет, так и отправят нас за 300 километров от Казани на оборонительные работы. Опять дома крик, плач: «Да что же это такое, да кто же зимой окопы копает?».

На следующий день мне пришла повестка – на окопные работы, а вместе со мной такие повестки получили еще 25 человек из Старой Амзи. Через день за нами пришла машина, и 5 ноября 1941 года мы опять были в дороге.

Окопы, траншеи, дзоты...

Привезли нас в город Чистополь, дальше ехать было нельзя - лед на Капе был еще тонкий. Нам сказали, что будем переправляться через Каму пешком. Никогда не забуду этот день 6 ноября 1941 года, так было страшно. Нам всем дали по длинной палке, чтобы пробовать перед собой лед. А все боятся идти – Кама показалась нам страшно широкой, а лед тонким.

Вперед пошел сопровождающий нас солдат, потом уж потихоньку за ним и мы, с расстоянием в 5-6 метров между человеком. Шли и молились, чтобы лед не провалился. Но все обошлось, никто не провалился. Да и какой вес был у нас тогда, недоедавших и еще совсем не взрослых? На той стороне нас уже ждали машины. И когда мы перешли Каму, все закричали «Ура!».

Когда погрузились и поехали в сторону Казани, я стала расспрашивать сопровождающего нас военного, надолго ли нас задержат на земляных работах, почему надо копать зимой и что именно мы будем копать – нам ведь толком так ничего и не объяснили. Этот военный рассказал, что копают окопы, траншеи, блиндажи, дзоты уже с лета, москвичи копают. А мы едем им в помощь, и будем копать им навстречу со стороны Татарии. А почему зимой копать... Да потому что летом все не успели сделать. Копать окопы надо для того, чтобы, если немцы прорвутся со стороны Москвы, задержать их перед Казанью.

В Казани нас пересадили на другие, военные машины и повезли дальше на запад. 8 ноября мы были уже на месте работ. Это было поле, кругом стояли скирды соломы, некоторые горели. Оказывается, тут же учили стрелять из винтовок, пулеметов и пушек солдат. Многие из них были еще в гражданской одежде. Вот так, под выстрелы, мы и копали эти окопы и траншеи. До сих пор помню размеры блиндажа: три метра в глубину, четыре в ширину и восемь в длину.

Жили мы в двойных брезентовых палатках на 50 человек, они отапливались двумя железными печками. На протянутых веревках сушили после работы свою одежду, лапти. Да, я забыла сказать – почти все мы были в лаптях, так тогда ходили во всех татарских деревнях. Правда, потом нам привезли какую-то обувь, не знаю, как ее назвать - калоши не калоши, сшитые из лошадиных шкур. Эта обувь была все же получше лаптей. Еще лучше было, если получалось надеть сразу и лапти, и вот эти кожаные калоши.

Поднимали нас в 6 утра, рабочий день начинался в семь утра и заканчивался в семь вечера. Долбить мерзлую землю было страшно тяжело, у нас у всех руки были в полопавшихся мозолях. Медсестры каждый день делали нам перевязки, лопнувшие мозоли смазывали какой-то желтой мазью.

От работы никого не освобождали, это надо было или сильно заболеть, или умереть. Но болели мало и не умирали, а копали и копали. Кормили нас, правда, очень хорошо. Так же, как солдатам, варили еду в полевых котлах на колесах и привозили прямо к месту работы. Вот так мы встретили здесь, в окопах, новый 1942 год, и продолжали копать их до 27 марта.

В этот день мы соединились с московскими колхозниками, которые тянули траншеи в нашу сторону. Но их-то всех отпустили домой, а татарстанцев, заставили еще заготавливать еловые бревна для блиндажей. Мы чуть с ума не сошли от горя – ведь нам обещали, что нас отпустят, когда соединимся с москвичами, мы и домой писали, чтобы ждали нас ранней весной. А оно вон как повернулось.

На лесоповале

Ездили в лес за 100 километров и там пилили деревья. Помню, что лес был очень красивый, заснеженные ели стояли прямо как в сказке, и очень жалко было такой лес губить.

Вот уже апрель кончился, май пошел, а мы все пилим. Девчата все плачут, домой хотят. Ну, я не выдержала и пошла к нашему военному начальнику спросить, когда же нас отпустят домой. А начальник меня пристыдил. Дескать, там такая страшная война идет, все разбомбили, столько людей убило, а над вами самолеты не летают, бомбы и снаряды на вас не падают. Ну, конечно, тяжело вам, но ведь все живы-здоровы и домой все вернетесь. Надо еще потерпеть немного, ваша работа очень нужна, фашистская армия очень сильная и все может случиться, поэтому то, что вы делаете – это на тот самый случай.

Я вернулась в свою палатку и все передала нашим. Никто и слова не сказал, все всё поняли, и продолжали работать. Да, я еще пожаловалась начальнику, что сейчас в лесу все растаяло, а мы в лаптях, и ноги у всех мокрые, нам бы обувь какую-нибудь. А начальник мне говорит: «Что же вы раньше молчали? Ладно, что-нибудь придумаем. «Скажи, сколько в твоём звене человек, и какого размера обувь нужна?». Господи, да у нас почти никто не знал, что такое размер обуви – с детства все ходили в лаптях. Правда, я свой размер уже знала – 37-й (в Баку носила настоящие туфли).

В общем, на другой день мы делегацией в девять человек пошли в стоящую рядом воинскую часть, и там нам со склада выдали 70 пар ботинок самого разного размера. Мы их принесли в свою палатку, и здесь уже каждый выбирал, что подходит по размеру, а лишние ботинки вернули обратно. Девчата опять в слезы: «Значит, нас еще надолго оставят здесь». И точно, через какое-то время нас отправили на новое место, еще на 80 километров ближе к Москве. Там нас поселили уже не в палатках, а в деревянных бараках, даже с радиоприемниками.

Здесь мы впервые за последние месяцы сами услышали, что передает Москва про войну. Слушать было страшно – рассказывали, как наши били немцев, и как немцы бомбили поезда с эвакуированными мирными людьми. Особенно запомнилось, когда диктор рассказывал, как 5 немецких самолетов разбомбили поезд, в которых ехали 800 женщин, стариков и

детей, и что многие из них погибли. Я переводила нашим деревенским. Девчонки опять в слезы – когда же эта страшная война кончится, когда же мы домой вернемся?

Нам дали неделю отдыха, чтобы мы привели себя в порядок, в бане помылись, домой письма написали. И снова – за работу. А скоро и помощь подоспела – сначала на трех машинах привезли 112 русских молодых парней и девчат, всем лет по 16, не больше, а следом еще 170 человек, уже постарше. За нами закрепили семь машин, которые отвозили напиленный лес на железнодорожную станцию.

Вот уже апрель кончился, май пошел, а мы все пилим и пилим... Наконец, где-то в конце мая нас всех созвали на собрание, поблагодарили за хорошую работу от имени Москвы, и сказали, что мы свое дело сделали, и нас отправят домой. Как мы все обрадовались, как плакали, как хлопали – как будто война кончилась. Нам после бани устроили прощальный ужин, а через день, 29 мая, за нами пришли машины из Казани, и 30 мая мы уже были дома.

Печальные новости

Дома за это время накопилось много новостей, больше печальных. Сестра моя Асия успела выйти замуж, ее мужа Акрама забрали на фронт, а ее саму отправили куда-то рыть окопы. От нее было всего одно письмо, потом она замолчала. Позже пришло письмо от амзинских девчонок, с которыми она работала. Они сообщали, что Асия простудилась в окопах (дело было зимой), сильно заболела и ее положили в больницу. Мама молилась за нее каждый день. Погиб на войне мой двоюродный брат Ильяз, его документы и личные вещи привез Исмагил из соседней деревни Новая Амзя. Они вместе воевали. Самому Исмагилу оторвало ногу по колено. Он рассказал, как погиб Ильяз. В него попали три пули, одна в легкое, две в голову. Бой шел возле какого-то завода, и вместе с Ильязом там похоронили 57 солдат. Моя тетя Василя-апа очень плакала и говорила, что ей снятся плохие сны про Исхака, и она очень за него боится.

Я снова пошла работать в колхоз, выхаживала маленьких ягнят. Но совсем недолго. Как-то мы все дома ужинали, и тут залаяла собака во дворе. Папа пошел посмотреть, кто там, и вернулся с бригадиром. Тот протянул мне повестку: «Райса, тебе завтра надо ехать в Мамыково, на комиссию». Папа спрашивает: «И куда потом из Мамыково?» - «Там скажут». Мама заплакала: «Господи, когда же это кончится!»

Папа пошел в контору узнать, куда меня могут отправить. Я же пошла протопить баню, чтобы помыться перед дорогой. Папа вернулся и сказал, что из нашей деревни 13 человек отправят в Бутайху, это 40 километров от Нурлата. Там уже три месяца приклады к винтовкам делают. В далекую дорогу собрались 9 девчонок и еще четырех пожилых мужчин, кому по 50 и больше лет: Гирфан, Мубаракша, Нургали и Фатих...

На комиссии, это было 10 октября 1942 года, одну из девчонок забраковали, осталось нас восемь. Нам в колхозе дали быков с телегами (лошадей в колхозе не осталось, кроме старых кляч, всех забрали на фронт), вот на них мы и поехали в Бутайху 12 октября. А война становилась все страшнее. Нам рассказывали, что у солдат не хватает винтовок, что немцы издеваются над ранеными и убитыми, истыкивают их штыками, что много 18-летних парнишек и девчонок уходят на фронт добровольно, чтобы мстить немцам, и гибнут тысячами. А вы, говорили нам, счастливы, хоть и выполняете тяжелую работу, но в вас не стреляют, вас не убивают. Да мы и сами понимали, что надо терпеть и работать, куда бы нас ни посылали.

Зачем быкам крутят хвосты?

На тех же быках, на которых приехали, мы и работали: возили на повозках из Бутайхи готовые приклады к винтовкам в Нурлат. Уже шел ноябрь, все кочки и ухабы замерзли, и колеса телег прыгали на них, увязанные в пачки приклады рассыпались и падали на дорогу. Соберешь их, увяжешь, и снова в дорогу.

Быки оказались очень настырными, все время старались лечь отдохнуть. Только один уляжется на дорогу, глядя на него, тут же валятся с ног и остальные. И хоть ты их убей! Девчонки от отчаяния плакали, мужики ругались. Правда, они все же умели заставить быков подняться: хватали их за хвосты и начинали выкручивать. Тогда только бедные животные от боли вскакивали и снова трогались в путь. И все равно дорога в 80 километров (в оба конца) занимала у нас целых два дня. Так мы мучились целый месяц.

Однажды, когда мы в очередной раз привезли в Нурлат приклады, я услышала знакомый голос: «Райса, Райса!». Смотрю, а ко мне от воинского состава бежит Шакир с гармошкой через плечо (мы с ним перед войной успели подружиться три месяца, но, правда, даже ни разу не поцеловались – уж так я была строго воспитана).

Шакир мне очень обрадовался. Он рассказал мне, что их отправляют в Куйбышев на обучение, а оттуда на фронт. Скоро послышалась команда на посадку. Тут Шакир и говорит: «Давай простимся, может, никогда больше не увидимся». Мы обнялись, вот тогда Шакир и поцеловал меня первый раз. И последний. Уже когда нас отпустили домой из Бутайхи, пришла похоронка на Шакира. Он погиб во время второго своего боя, его убили четыре пули. Погиб и другой парень, который был тогда с ним на станции, а третий вернулся с оторванной ногой. Но это я забежала вперед.

Как-то Мубаракша-абый говорит: «Райса, ты по-русски хорошо знаешь, и язычок у тебя острый. Иди к директору завода, проси машины. На быках много не наработаешь». И девчонки тоже его поддержали. Когда я решила и пошла к директору, доброму такому пожилому дяденьке, он сказал: «Хорошо, Райса, что ты сама пришла, на вас вот повестки прислали, надо ехать в Мамыково. А зачем – я не знаю, здесь не написано. На месте скажут».

Вот с такой новостью я вернулась в наш барак. Было это 16 декабря 1942 года. С вечера мы собрали свои вещи, улеглись спать. Утром погрузились на машину и поехали в Мамыково. Там прошли военную врачебную комиссию, всех нас признали годными, и повезли домой в деревню, чтобы можно было попрощаться с родителями и ехать на новое место. Военком в Мамыково сказал, что нас направляют на секретный военный завод в Свердловской области, всего на полгода, а затем нас заменят другие.

А теперь – на Урал!

Дома все обрадовались, что я, наконец, вернулась. Но когда я сказала, что уже 20 декабря надо быть в Нурлате, родители очень расстроились. Я их «успокоила», сказала, что я не одна такая, а нас 180 человек мобилизуют с трех районов. Как нам объяснили, за Свердловском, в голом лесу стоит какой-то эвакуированный из Белоруссии военный завод, со своими рабочими, мастерами. А вот разнорабочих, чтобы достроить этот завод, не хватает. Вот нас, колхозников, туда и забирают.

19 декабря мама меня разбудила пораньше, чтобы я успела позавтракать перед дорогой. И тут за окном послышался шум машины, залаяла собака. Папа решил, что это уже за мной приехали, и пошел открывать ворота. А это, оказывается, с оборонных работ вернулась моя сестра Асия. Еще десять минут – и мы бы разминулись. Я повисла у нее на тонкой шее (Асия сильно похудела, все время кашляла). Мы успели поговорить, поплакать. Асия рассказала, что получила от своего мужа Карима два письма, он лежит сильно израненный

в госпитале. Он воевал в Сталинграде, 15 декабря у тракторного завода его ранило осколками снаряда в спину, а когда он падал, ему еще и руку пулей пробило. Из его легких уже вытащили 11 осколков, но в теле есть еще немецкое железо и его ждет очередная операция.

Выпили по чашке чая, и тут приехала машина уже за мной. В дом вошел сопровождающий машину солдат, поздоровался по-татарски, посмотрел на меня, покраснел, и потом все время старался поймать мой взгляд (такие взгляды на меня молодые парни в последнее время обращали все чаще и чаще, уже и предложения мне не раз делали), но я-то думала совсем о другом – чтобы скорее война кончилась, чтобы можно было больше никуда из дома не уезжать, а жить с родителями, помогать им. А там видно будет.

Нас всех, кто отправлялся в дальнюю дорогу, собрали в правлении колхоза. Выступил председатель сельсовета. Он просил прощения за то, что нам опять приходится ехать на работы далеко от дома, говорил, что иначе никак нельзя, очень уж война тяжелая, и все должны помогать фронту как только можно.

... Оять вагон, оять стучат колеса, мы едем все дальше от дома. А за окном редко когда увидишь деревню какую, тем более город, тогда Урал был еще не так сильно заселен, как в наши дни. Уже шел четвертый день, как мы находились в дороге. На другой день утром проснулись, за окном солнышко светит, а мимо нашего поезда едет товарняк, на открытых платформах стоят пушки, танки, накрытые брезентом. А вдалеке видны высокие заводские трубы. Похоже было, что мы уже подъезжаем. Мы еще успели позавтракать, когда поезд, наконец, остановился, и нам объявили, что надо выходить. Это была станция Полевская. Здесь стоял металлургический завод, с четырьмя большими трубами.

Пушки и снаряды – фронту!

Нас привели к новому месту работы, и мы испугались. Это была большая территория, огороженная двумя рядами колючей проволоки, а внутри 4 большие мартеновские печи, где варился металл. Жара, огонь, искры во все стороны. Нашей обязанностью оказалось загружать в мульды - такие вагончики, их было по три на каждом монорельсе, - руду, потом эти мульды опрокидывались в мартены.

Мы разбирали руками и ломом кучи металлолома, который привозил на специальную эстакаду магнитный кран, и тоже грузили их в мульды для отправки в печи. На металлолом сюда привозили даже немецкие подбитые танки, разорванные пушки, были и наши танки, пустые гильзы от снарядов, неразорвавшиеся бомбы, еще какое-то порванное и погнутое железо. Все это разрезали бензорезами и отправляли в мартены на переплавку. А в соседнем цехе отливали новые снаряды и пушки, пулеметы...

Прошло три месяца, и однажды, в начале марта 1943 года, мы проснулись в два часа ночи оттого, что гудят заводские трубы, паровозы, воют сирены, а над заводом стоит пламя. Мы оделись и побежали туда. Случилась страшная авария: оказывается, в печь попал то ли целый большой снаряд, то ли бомба, случился сильный взрыв, всю мартеновскую печь разворотило, оттуда полился расплавленный металл, и в нем погибла почти вся ночная смена – 25 человек. Потом этот металл, когда он застыл, разрезали на куски и похоронили вместе со сгоревшими в нем людьми, с оркестром, цветами и венками, как погибших на войне.

Однажды нас всех собрал директор заводы, помню, что звали его Иван Иванович Рыжов или Рыжий. Он стал рассказывать, как тяжело сейчас по стране приходится всем людям, но особенно тяжело ленинградцам, они в блокаде, мрут от голода...

Тянул, тянул, а ему кричат: «Да говори толком, чего от нас надо?». Оказалось, надо оторвать от себя по 300 грамм хлеба, начиная с апреля 1943 года. И мы все согласились, что

надо помочь ленинградцам, и решили отдавать из своего пайка не только по 300 граммов хлеба, но и по 500 граммов макарон. Такое решение приняли и рабочие Челябинска, Златоуста, многих других уральских городов.

Краткосрочный отпуск

Прошло больше полугода со времени нашей последней мобилизации, уже вышел срок ехать домой, а начальство все молчит, как будто так и надо. Девчата начали ворчать:

«Райса, сходи да сходи, узнай, когда нас отпустят домой, сил уже нет». Я решилась и пошла после работы к директору завода Ивану Ивановичу. Он принял меня и спросил, по какому вопросу. Ну и объяснила, что прошел уже срок нашей полугодовой мобилизации, очень домой хочется, мы здесь уже восемь с половиной месяцев вместо шести, очень устали. Директор спросил, какая это у нас по счету мобилизация. Я ответила, что уже третья. Первый раз за Ульяновском строили железную дорогу на Москву, потом под Казанью рыли траншеи и строили блиндажи и дзоты, и вот сейчас здесь, на Урале. Директор послушал меня и сказал, что нам вот-вот должна прийти смена из Казани и Удмуртии. Вот с такими вестями я пришла к девчатам.

Они бросились меня обнимать, целовать. Не прошло и недели, как стала прибывать замена. И нас срочно отвезли на станцию и посадили на казанский поезд. А в Казани должны были встретить машины уже из нашего района. Меня в Казани встречал папа. Он рассказал, что молодых парней в деревне не осталось, на фронт забирают уже 42-43-летних мужчин.

А мы все ближе и ближе к дому. Вот уже и Курняле видать, а там через полтора километра Новая Амзя, и рукой подать до моей родной деревни Старая Амзя. Дома я увидела в детской, где я всегда спала, маленького ребеночка – это был сыночек сестры Асии. Все сказали, что я очень повзрослела, только похудела очень, и пообещали на домашней еде откормить меня. А я подумала: если только дадут мне пожить дома. Уже шли разговоры, что нас ждет очередная мобилизация, на этот раз в Казань, на авиационный завод.

Все так и вышло: я отдохнула дома всего два дня, как из военкомата снова принесли повестку, я и еще 14 человек должны были поехать в райцентр на комиссию. Мама снова в слезы, а папа сказал, что поедет в райцентр вместе со мной, чтобы похлопотать насчет пенсии для тети Василии из-за гибели сына-фронтовика Ильяза, - она сама ничего не сделает, так как по-русски говорить не может.

Я зашла в комнату к бабушке, а она и Василия-апа молились, чтобы комиссия признала меня негодной, и чтобы меня больше не забирали. Помолились и стали учить, что мне говорить на комиссии: что не могу нагнуться, внутри все болит, что все время голова кружится. Я пообещала, но сама-то знала, что ничего такого говорить не буду, стыдно. Да и посадить могли за обман. Вон двух из Нового Альметьево посадили на 5 лет, когда они сбежали с окопных работ из Ульяновской области. Когда их судили, даже родителей не пустили на суд, так и увезли, не дав попрощаться. Да и как это – убегать или притворяться больной, когда столько народу гибнет на войне, а нам всего лишь надо было работать там, куда пошлют, хотя и тяжело это было очень.

На Казанском авиационном

В это раз из нашего района должны были забрать на Казанский авиационный завод сразу 82 человека. Ну вот, уже сели в машину, а двоих парней не хватает – помню, что одного звали Муслим. Выяснилось, что Муслим и с ним еще один парнишка, как только получили на руки повестки, еще с вечера собрали котомки и ушли из деревни. Сказали: «Хватит, уже три года бесплатно ишачим, мы пошли на заработки, свет большой, где-нибудь

пристроимся». Председатель сельсовета чертыхнулся и сказал, что они себе срок заработают, а не деньги.

Мы погрузились и поехали. Когда ехали через турдалюфский лес, машина вдруг остановилась, и шофер наш несколько раз выстрелил и закричал: «А ну ложитесь!». Мы смотрим, сбоку дороги трое парней лежат лицом вниз. Нас еще сопровождал военный по имени Аскар, вот они вдвоем с шофером связали этих троих парней (двое из них были наши, что сбежали вечером, а третий из Новой Амзи), посадили их к нам в кузов. Один из парней начал угрожать Аскару: «Мы тебя потом найдем и подвесим за ноги». Аскар заматерился и наплевал его по губам. «Тебе, - кричал он, - воевать надо, а ты по лесу бегаешь, как заяц». И всех троих в Мамыкове сдали в милицию...

В Казани на вокзале нас уже ждали несколько автобусов и строгие мужчины в гражданской одежде. Нас привезли на авиационный завод, эвакуированный из двух городов. Меня и здесь поставили звеньевой. С нас взяли расписки, что мы никому не напишем и не будем говорить, где мы работаем и что здесь делаем, потому что это военная тайная. И даже обратного адреса для писем у нас не было – только номер, как у полевой почты.

Мы работали в копровом цеху, где отливались корпуса моторов. Для нас провели инструктаж на выдали специальную робу – ватные брюки и толстый суконный костюм, а сверху еще плотный фартук, на ногах у нас были валенки с резиновыми подошвами. Первый месяц мы были учениками. А потом уже стали работать самостоятельно.

Мы черпали кипящий металл ковшом и заливали его в формы, было очень жарко и страшно поначалу, потому привыкли. Из отливки получались картеры, на них привинчивали шурупами по два блока, они были дюралевыми и тяжелыми, а вот поршни в цилиндрах (их было 12 на каждом картере) были из чистого алюминия, легкие и блестящие.

Мы работали в этом цеху месяц, а потом нас направили на шлифовку, грунтовку и покраску моторов. Собранные моторы отправляли на испытания. Если не все было в порядке, мотор привозили обратно, и на нем красной краской было помечено, где брак. Мотор снова разбирали, исправляли брак, собирали и отправляли опять на испытание. Случалось, что после смены сидели в цеху всю ночь, пока нам не сообщали, что все в порядке и можно идти спать. Обычно нашей бригадой, в которой было 22 человека, собирали за смену по 8 моторов. Рядом был цех, где делали корпуса для самолетов, там же после сборки проводили безвзлетные испытания. А на настоящие летные испытания самолеты увозили за 35 километров от Казани, где был специальный аэродром, там наши самолеты и обкатывались военными летчиками-испытателями.

В Казани я впервые увидела пленных немцев. Они были в тоненьких шинелях, ботинках, лица у всех черные, обмороженные (был декабрь 1943 года). Они работали на расчистке трамвайной линии от снега, а их охраняли наши солдаты с автоматами и собаками. Над немцами издевались дети, они подбегали к ним с криком: «Фрицы, фашисты!» плевали в них. Не знаю почему, но мне их стало жалко. Я-то их представляла злыми зверями со страшным оружием, а видела жалких, худых и напуганных людей, большинство из них были молодые.

Из дома приходили нерадостные письма. В колхозе не осталось ни одного здорового мужчины, многие погибли, многие вернулись калеками. Мусин Гаряй пришел с фронта без руки, Мухитдинов Карим остался без кисти руки и без глаза, Салихжан и Миннихмет – оба без одной ноги до колена, Мингани – вообще без обеих ног. А всего к весне 1944 года из 83 человек, которых дала фронту наша маленькая Старая Амзя, погибли 7 и вернулись покалеченными 11 мужчин. Говорили, что это еще ничего, в иных деревнях погибло куда больше.

Долгожданная Победа

О том, что кончилась война, мы узнали по радио. Так, как мы тогда радовались, мы не радовались больше никогда. В тот день, когда объявили о Победе, нам дали выходной, был митинг, а потом преподнесли и подарок: всех, кто желал, повезли на автобусах на городской аэродром покататься на самолетах. Один за другим приземлились три самолета с первыми пассажирами-девчонками, они выходили из них зелеными, заплаканными, почти у всех девчат подола платьев были мокрыми и скомканными – их тошнило. И тогда многие девчата, в том числе и я, когда подошла очередь кататься в самолете, отказались. Перепугались очень - что с нас, деревенских, было взять, когда мы еще совсем недавно лапти перестали носить. А с аэродрома нас всех теми же автобусами повезли в Казань на обед, в разные рестораны и кафе. Так мы отпраздновали Победу.

Но работа наша на заводе продолжалась, мы также строили самолеты. Правда, рабочий день был уже восьмичасовой и трехсменный, подъем у нас теперь был не в шесть, а в семь часов утра. 12 октября 1945 года директор завода выступил по радио и сообщил, что нам начнут выплачивать зарплату - по 50 процентов деньгами, остальное будет идти на продуктовую карточку.

Первая в моей жизни получка была 125 рублей и еще 25 рублей премии. Мы не знали, что делать с этими деньгами. Потом решили послать родителям в деревню. А с 1 декабря нам начали давать и отпуска – по 18 дней! Составили списки, из нашего звена первыми в отпуск уходили три девчонки, в том числе и я. А всего в отпуск разрешили уехать сразу 100 девчонкам. И 3 декабря 1945 года на заводских машинах меня и еще 52 девчонки повезли по домам (кому было дальше, те поехали на поезде).

Дома меня не ждали, поэтому надо ли говорить, сколько было радости, слез при встрече с родителями, родными, знакомыми? Эта радость пришла на смену печали, вызванной письмом из далекого китайского города Чань-Чунь. Там лежал в госпитале мой брат Акрам. Как только ему исполнилось 18, его забрали в армию. Он воевал с японцами, был пулеметчиком на мотоцикле, и его ранили в руку и ногу.

Вечером все сидели за столом у нас, меня расспрашивали, как там нам живется в Казани, все удивлялись, какая я стала совсем взрослая и серьезная (будешь тут взрослой, если с 16 лет вкальываешь на таких работах, что иному мужику не под силу).

Дни отдыха пролетели быстро, и 21 ноября мы все уже были на заводской проходной - за нами прислали машины. И снова – отливка, полировка, сборка и покраска авиационных двигателей. А с января 1946 года наш цех начал осваивать выпуск мирной продукции: мы стали отливать из алюминия еще и дюралюминия кастрюли, сковородки, кружки, бидоны. Стране не хватало посуды, и мы ее делали.

Весной 1946 года тяжело заболела моя мама, и мне разрешили уволиться с завода. Я помогала папе дома по хозяйству, да и колхоз меня тут же «прибрал к рукам». Я возила на паре быков солому для подстилки телятам, а потом семенное зерно с Нурлатского элеватора – вот-вот должна была начаться посевная. В дороге до Нурлата и обратно нас сопровождали трое военных с оружием, потому что в лесах все еще бродили дезертиры.

Я думала, что с мобилизацией уже все покончено, ведь в стране шла, хоть и все еще тяжелая, но мирная жизнь. Но ошиблась: 11 мая 1946 года была снова мобилизована, на этот раз в Архангельскую область. Там мы выкорчевывали пни на огромных лесных участках, деревья с которых были спилены еще до нас. Потом с этих пней спиливали корни, и их, уже ровенькие, вывозили в порт и грузили их на баржи. Говорили, что их отправляют в Америку.

Здесь я проработала все лето и вернулась домой только в конце сентября 1946 года. Это и была моя окончательная демобилизация.

На снимках из нашего семейного архива:

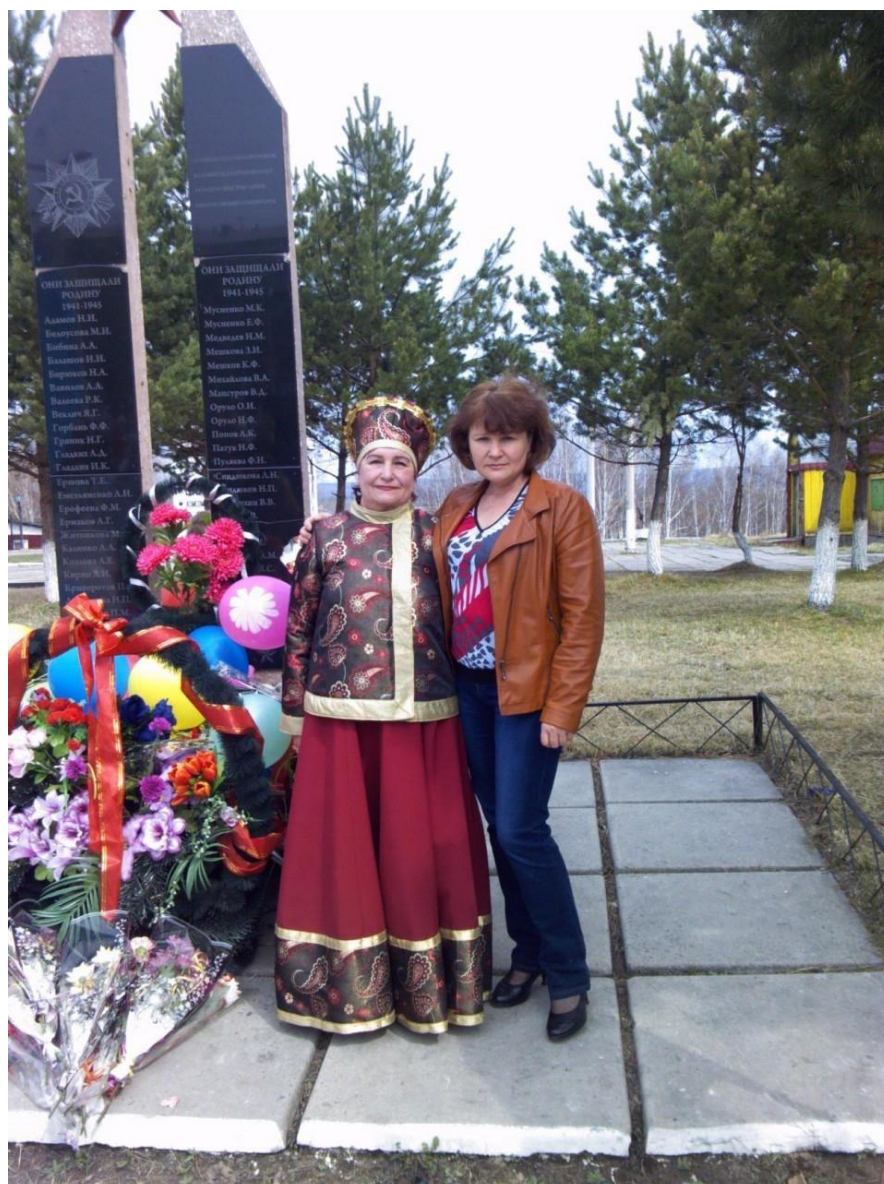
- единственное сохранившееся послевоенное фото мамы. Здесь она с моим отцом, Валеевым Хасаном Шакирзяновичем, и со своим первенцем, то есть мной. Фото сделано в 1952 году, в г. Краснотурьинск Свердловской области, где после войны и познакомились мои родители и создали семью;

- редкое фото, на котором мама запечатлена со своими наградами. Она их почти никогда не надевала, стеснялась;

- мамины медали, всего их пять. Еще две затерялись, но удостоверение к медалям сохранились;

- в пос. Новый Ургал Хабаровского края, где последние годы мама жила у моей сестры, своей дочери Розы, установлена стела в честь участников Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. Есть на ней и имя моей мамы, Валеевой Раисы Каримовны. Ее дочь Роза - справа. Она очень похожа на маму.